

ОПЫТ, ОРГАНИЗАЦИЯ, КУЛЬТУРА

**Рецензия на: Александр Александрович Богданов /
Под ред. М.В. Локтионова. М.: РОССПЭН, 2021. – 472 с.**

Алексей Кусюк

Институт философии РАН,
г. Москва

Когда речь заходит о русской философии начала XX в., зачастую интерес исследователей направлен на изучение философской традиции русской эмиграции и ее ключевых представителей, реже – на марксистско-ленинскую традицию. Но среди двух полюсов отечественной мысли того периода остаются еще те философы, которых тяжело вписать в сложившиеся историко-философские границы. Во многом именно поэтому исследования наследия «внесистемных» русско-советских философов начала XX в. представляются весьма перспективными. Философские системы тех мыслителей, идеи которых трудно задним числом вписать в то или иное философское направление, могут дать исследователям: во-первых, более точное представление об отечественном философском дискурсе в целом; во-вторых, смену перспективы, позволяющую иначе взглянуть на философскую проблематику того времени; в-третьих, возможность решения проблем современного отечественного и мирового философского сообщества.

Одним из представителей этой «внесистемной» философии является Александр Александрович Богданов (Малиновский) (1873–1928), которому и посвящен изданный под редакцией М.В. Локтионова том серии «Философия России первой половины XX века». Творчество А.А. Богданова во многом опередило свое время, за счет чего долгие годы оставалось непонятым, а политическая атмосфера борьбы В.И. Ленина с «махистами» поспособствовала созданию мифа об идеализме и нигилизме системы А.А. Богданова – тем более ценным представляется настоящий том, который позволяет читателю не только узнать основные положения философии А.А. Богданова, но и окунуться в контекст его биографических вех.

Открывающая рецензируемый сборник совместная статья М.В. Локтионова и В.Л. Шаровой «Богданов – титан российского Возрождения» [6, с. 5–13] обосновывает актуальность исследований творческого наследия философа и задает их дальнейший дискурс. Наследие А.А. Богданова, как отмечают авторы, сообразно наследию мыслителей Ренессанса: «Он был титаном, подобно титанам Возрождения, поэтому его вклад не оценим и до сих пор важен для нас сегодняшних» [6, с. 13]. В статье ука-

зывается на ключевые проекты и концепции А.А. Богданова, которые впоследствии будут разобраны в следующих статьях тома: эмпириомонизм, тектология, теория пролетарской культуры.

Анализу биографии философа посвящена статья Е.В. Матонина «Марсианская драма». Звезда и смерть Александра Богданова» [6, с. 14–70]. Автор достаточно подробно разбирает ключевые этапы творческого становления А.А. Богданова, что положительно сказывается на восприятии последующих работ тома, посвященных углубленному анализу творчества философа.

В.В. Попков, А.Е. Рыбас и А.А. Парамонов в своих статьях фокусируются на «дотектологическом» периоде творчества А.А. Богданова. В статье В.В. Попкова «Наука и вера Александра Богданова» [6, с. 71–85] анализируются особенности эмпириомонистической философии А.А. Богданова. Стоит отметить, что в своей работе В.В. Попков предлагает достаточно интересную интерпретацию проблемы возможности познания элементов опыта в эмпириомонистической картине мира через возможность различия: «Различие – вот, что является единицей знания. Можно привести аналогию с картой, предложенную польским ученым Коржибским. Карта – это не территория. То, что попадает на карту – это различия (в высоте, протяженности, растительности, плотности населения и т.д.)» [6, с. 75]. Такая трактовка позволяет автору рассматривать комплексы ощущений как комплексы различий. Стоит отметить, что вопрос о различии как необходимом элементе построения картины мира поднимался и в современной западной философии. Жиль Делез в работе о Ф. Ницше, разбирая проблему ценностей, указывает на важность различающего элемента: «Оценки, соотносимые со своим различающим элементом, выступают не как ценности, но как способы бытия, формы существования тех, кто судит и оценивает» [2, с. 34]; Джордж Спенсер-Браун в книге «Законы формы» отмечает первичность дистинкции (различения) по отношению к индикации объекта [5, с. 3–7], его идеи развивает Л. Брайант, в работе «Демократия объектов» он пишет: «...когда я сказал “светит солнце”, я указал на положение дел, несмотря на то, что эта индикация основана на предварительной дистинкции между, допустим, темнотой и светом, пасмурными и солнечными днями» [1, с. 20]. Тем самым философия А.А. Богданова в некоторой степени предвосхищает проблематику современной философии.

Продолжает анализ эмпириомонистических взглядов А.А. Богданова статья А.Е. Рыбаса «Актуальность философии эмпириомонизма» [6, с. 86–116], в которой он выделяет ряд пунктов, позволяющих современным исследователям говорить о продуктивности анализа эмпириомонистических взглядов А.А. Богданова. Кроме того, автор статьи предлагает рассматривать эмпириомонистическую философию А.А. Богданова как неметафизическую философию всеединства. Идея неметафизического всеединства не предполагает конструирования прямой генеалогической линии от В.С. Соловьева к А.А. Богданову, но, скорее, задает общий для истории русской философии контекст затрагиваемой проблематики и позволяет рассматривать философию А.А. Богданова в русле традиции русской философии. Автор резюмирует: «...идея неметафизического все-

единства требует дальнейшей теоретической разработки» [6, с. 116]. Как нам кажется, спекулятивные исследования такого типа могут существенно поспособствовать развитию дискурса вокруг русской философии начала XX в.

В статье А.А. Парамонова «Мир за пределами сказанного: синематографическая оптика в романе Александра Богданова “Красная звезда”» [6, с. 117–131] анализируется литературное творчество А.А. Богданова, в частности, роман «Красная звезда» как наглядная демонстрация реализации монистического принципа в теории пролетарской культуры А.А. Богданова. Автор статьи разбирает особенности искусства и устройства общества будущего (представленного в романе «Красная звезда» в виде социалистического Марса, на который отправляется главный герой романа революционер Леонид) в контексте практики коллективного восприятия. Особенно интересным представляется то, что А.А. Парамонов выделяет в тексте романа своеобразное противопоставление ясности и смутности: с момента прибытия и до излечения от болезни Леонид требует от своего восприятия отчетливости, но получает лишь туманность марсианских образов. Ясность и отчетливость мысли и восприятия – один из столпов рационального мышления, утвержденный европейской философией Нового времени [3, с. 266–275], который, по сути, является препятствием, мешающим герою романа, революционеру Леониду, наиболее полно включиться в коллективный опыт марсианского общества – «призрачный мир разделяющих коллективную чувственность, сообщество за рамками какого-либо революционного коллективизма» [6, с. 130].

Следующий блок статей посвящен архивному наследию А.А. Богданова. Статья П. Чони «А.А. Богданов, А.В. Луначарский и Каприйская школа (по материалам Архива А.М. Горького Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН и Бахметевского архива)» [6, с. 132–155], в которой автор статьи обращается к достаточно обширному корпусу материалов, затрагивает политический мотив создания и упадка Каприйской рабочей школы. Особое внимание автор уделяет дискуссиям о характере новой пролетарской культуры между сторонниками (А.А. Богданов, А.В. Луначарский, М. Горький) и противниками (В.И. Ленин и его единомышленники) создания Каприйской школы. Отдельно стоит отметить попытку исторической реабилитации отношений М. Горького и А.А. Богданова, которую предприняла П. Чони на основе анализа архивных материалов, в том числе писем М. Горького. Автор статьи приходит к выводу, что мировоззрение писателя было намного ближе к богдановской идее создания рабочими «своей собственной автономной культуры» [6, с. 139], чем к авторитарному социализму В.И. Ленина.

Продолжает заданную ранее тему статья М.А. Ариас-Вахиль «Богданов и Горький на Капри (по материалам Архива А.М. Горького ИМЛИ РАН)» [6, с. 156–171], в которой автор на основе работы с архивными материалами – очерками из жизни А.А. Золотарева, К.А. Алферова и И.И. Панкратова – предпринимает попытку реконструкции устройства Каприйской школы и ее философских оснований. В статье затрагиваются проблемы эффективности обучения рабочих, осмысления роли инди-

видуализма и коллективизма в культуре, значения естественно-научных открытий и планетарных масштабов культурной деятельности.

Статья Д. Стейлы (в переводе О.В. Дворкиной) «От опыта к организации. Краткий обзор неопубликованных писем А.А. Богданова к В.А. Базарову» [6, с. 172–191] посвящена анализу эволюции воззрений А.А. Богданова, обусловившей переход от эмпириомонизма к тектологии. Разбирая архивную переписку А.А. Богданова с его старым другом В.А. Базаровым, автор статьи указывает на принципиальную значимость понятия «подстановка» для системы А.А. Богданова. Именно подстановка становится краеугольным камнем развития монистической системы философа. В своей работе Д. Стейла достаточно детально реконструирует эволюцию мысли философа: в статье показаны как точки схождения, так и дальнейшие точки расхождения философии А.А. Богданова с философией В.А. Базарова, что представляет большой интерес для истории русской философии.

Следующий важный мотив тома – анализ тектологии в контексте как теоретического, так и практического применения. Этому вопросу посвящены работы Г.Д. Гловели, М.В. Локтионова и А.Б. Бахура.

В обширной статье Г.Д. Гловели «Среднерусский марксизм и системное мышление: организационная наука А.А. Богданова» [6, с. 192–279], затрагивающей множество аспектов деятельности А.А. Богданова, хотелось бы отметить попытку автора применить тектологическую методологию для анализа экономических проблем. Тектологический анализ указывает на асимметрический характер рыночной организации, в силу чего «возвышаются иерархические социальные структуры, которые искажают в свою пользу ход обмена, осуществляют манипуляции, о которых масса людей не имеет понятия» [6, с. 277], накопление капитала и власти приходится на наиболее развитые капиталистические центры. Отсюда возникает проблема нового рабства и экономической несамостоятельности периферийных регионов. В своей статье Г.Д. Гловели использует множество примеров из научных и экономических теорий, чего, несомненно, требует сама тектология – система, претендующая на звание всеобщей организационной науки, должна быть проанализирована в контексте множества эмпирических фактов и теоретических положений. Г.Д. Гловели показал комплексное единство теории А.А. Богданова: тектология позволяет решать как естественно-научные, так и экономические проблемы.

Статья М.В. Локтионова «А.А. Богданов как основоположник общей теории систем» [6, с. 280–299] посвящена анализу творчества А.А. Богданова в контексте общей теории систем и кибернетики. Автор выделяет несколько ключевых положений, на основании которых делается вывод, что тектология А.А. Богданова во многом предвосхитила западные системные и кибернетические теории. Отдельно выделяется ряд системных принципов, открытие которых фактически принадлежит А.А. Богданову: принцип организационной непрерывности, принцип взаимно-дополнительных отношений, принцип моноцентризма, закон минимума. Кроме того, автор статьи соотносит тектологию А.А. Богданова с рядом кибернетических принципов, связанных с именами У.Р. Эшби, С. Бира, Е. Седова,

М.И. Сетрова, Л. фон Берталанфи. Проанализировав ряд системных теорий, М.В. Локтионов приходит к выводу, что «рассматриваемые всеми этими теориями вопросы нельзя оторвать один от другого, они представляют собой некую общность, целостность, и А.А. Богданов увидел эту целостность, неразрывность... В этом он и был первым – на ступень такого понимания и такого уровня обобщения никто до него не поднимался» [6, с. 299].

А.Б. Бахур в своей статье «Идеи А.А. Богданова как основание методологии организационно-управленческого моделирования» [6, с. 300–313] предлагает рассмотрение системы А.А. Богданова в контексте решения проблем проективной деятельности, что может поспособствовать оптимизации процесса производства изделий. Статья снабжена обильным количеством наглядного материала, в том числе схемами и рисунками, а также обобщающей системой уравнений [6, с. 311]. В своих размышлениях автор исходит из одного из положений тектологии А.А. Богданова, которое характеризует механизм как «понятую организацию» [6, с. 304]. Сопоставляя это положение с определением человеческой деятельности как «организующей или дезорганизующей» [6, с. 304], автор приходит к выводу, что тектология имеет значительный потенциал – как теоретический (в области организационно-управленческого моделирования), так и практический (в области решения проблемы организации больших групп). Положения тектологии, таким образом, могут быть развиты «во множестве разработок в разнообразных областях науки и инженерии» [6, с. 313].

Статьи А.Ю. Морозовой и А.Н. Шупанова посвящены анализу исторических событий биографии А.А. Богданова. А.Ю. Морозова в статье «Философские дискуссии и политическая борьба В.И. Ленина и А.А. Богданова» [6, с. 314–330] подвергает критическому анализу мнение некоторых исследователей – например, К. Бейлза – о чисто философском противостоянии В.И. Ленина с А.А. Богдановым и разбирает политический мотив написания «Материализма и эмпириокритицизма». А.Ю. Морозова проанализировала достаточно обширный исследовательский материал, посвященный политическим отношениям В.И. Ленина и А.А. Богданова. Например, в статье приведены ссылки на работы М.В. Локтионова, Ю.П. Шаропова, Дж. Биггарта, Ю. Шеррер, А.В. Луценко, проясняющие подробности политического взаимоотношения В.И. Ленина и А.А. Богданова. На основании изученного материала автор делает вывод, что «философские разногласия использовались лишь как прикрытие в политической борьбе» [6, с. 319]. Философское клеймление А.А. Богданова махистом и идеалистом в этом контексте весьма сильно повлияло на концентрацию политической власти в руках В.И. Ленина, историческая победа которого создала партию, которая стала «слепком его авторитарной личности, воспроизведенной в сотнях и сотнях маленьких вождя “местного значения” и породившей “вождя народов”» [6, с. 330]. В свою очередь, вариант богдановского социализма так и остался нереализованным.

Статья А.Н. Шупанова «О жизненной стратегии Александра Богданова: эволюция цели» [6, с. 331–338] посвящена глобальному анализу жизненного пути философа. Методологией своего исследования автор статьи берет теории Г.С. Альтшуллера, в частности, теорию решения изобрета-

тельских задач (ТРИЗ), теорию развития творческой личности (ТРТЛ) и жизненную стратегию творческой личности (ЖСТЛ). На основе данной методологии автор выделяет несколько ключевых пунктов последующего анализа: наличие творческой цели и соответствие ей достигнутых результатов. Рассматривая биографию А.А. Богданова, автор приходит к заключению: «Богданов добился результатов значительно “выше среднего” практически в каждой сфере своего труда» [6, с. 333] именно из-за масштабов поставленной им цели – создания всеобщей организационной науки.

Исследовательские работы С.Г. Семенов и Ю. Шерер, а также совместная статья М.А. Пилюгина и В.В. Сидорина посвящены анализу теории культуры А.А. Богданова. С.Г. Семенова в своей статье «Идеал социализма и теория пролетарского искусства А.А. Богданова» [6, с. 339–356] рассматривает основные черты его теории пролетарской культуры в контексте русской идеи. Автор выделяет ключевую характеристику теории А.А. Богданова – осознанный творческий коллективизм, на основе которого должно строиться общество будущего. Кроме того, С.Г. Семенова подвергает сомнению критическое отношение А.А. Богданова к представителям крестьянской поэзии, что несколько отстраняет теорию культуры философа от деятельности «поэтов Клюева, Есенина и других» [6, с. 355]. Для А.А. Богданова пролетарская культура – это культура принципиально нового созидательного типа, свободная от всякого рода фетишизма, в то время как представители крестьянской поэзии сеют, по мысли философа, «всюду фетишизм “землицы”» [6, с. 355]. Тем не менее, несмотря на это явное противоборство двух подходов к культуре – пролетарского и крестьянского, теория культуры А.А. Богданова может быть весьма плодотворно осмыслена в контексте общих тенденций русской идеи и философии коллективизма.

Работа Ю. Шеррер (Перевод О.В. Дворкиной) «Концепция культуры Богданова: от рабочих кружков до движения Пролеткульта» [6, с. 357–370] посвящена подробному анализу «исторического генезиса концепции пролетарской культуры Богданова» [6, с. 357]. Автор разбирает следующие вехи развития теории пролетарской культуры: организация рабочих кружков во время ссылки (1895–1904), создание Каприйской рабочей школы, группы «Вперед», учреждение Пролеткульта. На протяжении всей своей творческой деятельности А.А. Богданов обращался к теории культуры. В статье разбираются такие работы, как «О пролетарской культуре», «Культурные задачи нашего времени», «Пролетарский университет», на основе анализа которых автор статьи выводит основные столпы теории А.А. Богданова. Культура в понимании философа – это одна из форм организации социального опыта. Ю. Шеррер выделяет два понятия культуры, которые А.А. Богданов использует в своих трудах: во-первых, в широком смысле – культура как продукты материальной деятельности человека; во-вторых, в узком – «в качестве синониима идеологии, которую он определял как учение о социальном сознании людей» [6, с. 369–370]. В некотором смысле такое восприятие культуры куда ближе к современным постмарксистским концепциям [4, с. 138], чем к классической теории К. Маркса, расценивающей культуру как эпифеномен экономических отношений.

Вопросам структурной реализации теории культуры А.А. Богданова посвящена статья М.А. Пилюгиной и В.В. Сидорина «Пролетарская культура как концепция и политическая программа А.А. Богданова: замысел, критика, реализация» [6, с. 371–387]. Необходимость создания и распространения новой пролетарской культуры обуславливается самим характером взаимоотношений в человеческом обществе. Авторы статьи указывают на реконструкцию А.А. Богдановым «экономических и социальных форм взаимодействия, так как именно в них он видит основной источник выработки социальных практик» [6, с. 372]. Эта реконструкция затрагивает такие периоды человеческих взаимоотношений, как первичная коллективность, авторитаризм, индивидуализм, новая коллективность. Авторы указывают, что культурное движение обуславливается стремлением человека наиболее широко раскрыть свой потенциал, что в конце концов приводит к осознанию узости индивидуалистических устремлений и желанию обрести единство коллективного опыта. Также в статье указывается на особое понимание А.А. Богдановым культуры не как надстройки над базисом (в духе классического марксизма), но как особой формы организации общества, которая хоть и имеет экономические корни, но тем не менее сохраняет свой самобытный характер. Авторы акцентируют внимание и на исторической критике теории пролетарской культуры А.А. Богданова. В статье разбираются позиции Л.Д. Троцкого, Н.И. Бухарина, А.В. Луначарского, В.Ф. Плетнева, Л. Авербаха, В.П. Полонского и других. Зачастую общим местом критики являлись либо возвышение культурных практик над военно-политическими как политический аспект, либо отход от канонов марксизма как аспект философский. Несмотря на то, что ввиду ряда политических событий фигура А.А. Богданова на долгие годы находилась под запретом для обсуждения, а его философские проекты во многом не были реализованы при жизни, наследие А.А. Богданова «представляет собой любопытную страницу из истории 1920-х годов – одного из самых ярких десятилетий в интеллектуальной истории России» [6, с. 387].

Статья М.В. Локтионова «Опередивший время. Российские марксисты против Богданова» [6, с. 388–415] детально раскрывает нюансы полемики вокруг деятельности А.А. Богданова. В частности, автор анализирует полемики А.А. Богданова с Г.В. Плехановым, В.И. Лениным, а также с газетой «Правда» – полемику, напрямую повлиявшую на выход философа из состава группы «Вперед». М.В. Локтионов отмечает особый характер критики философии А.А. Богданова Г.В. Плехановым: «...не критикуя по существу взгляды своего оппонента, он в своих работах, посвящавшихся иным темам, систематично давал уничижающие характеристики этих взглядов» [6, с. 392]. Кроме того, автор статьи подмечает некоторые особенности позиции В.И. Ленина, стремившегося собрать власть в партии в свои руки и получить как можно больше политического влияния. М.В. Локтионов отмечает, что именно рост влияния Г.В. Плеханова в партии стал ключевым фактором начала открытой полемики В.И. Ленина с А.А. Богдановым: В.И. Ленин заключил политический союз с группой Плеханова и опубликовал в прессе внушительную монографию «Материализм и эмпириокритицизм». В статье детально разбирает-

ся полемика с газетой «Правда» в контексте продолжения политической кампании против А.А. Богданова.

Статья Т.Г. Щедриной «Тектология vs Философия: разговор Александра Богданова и Густава Шпета» [6, с. 416–427] подводит своеобразный итог философской деятельности А.А. Богданова, одна из ключевых идей которого – это конец философии. В этом контексте Т.Г. Щедрина ставит целью своего исследования «реконструировать разговор, который состоялся между Шпетом и Богдановым в 1922 году, основываясь при этом на опубликованных ими к тому времени текстах» [6, с. 417]. Стоит отметить, что в своей статье автор привлекает архивные материалы (конспекты Г.Г. Шпета). Poleмика вокруг роли философии включала в себя две полярные позиции: либо метаморфозы философии приведут ее к тектологии, и тогда «тектология должна делать излишней философию» [6, с. 420] – это позиция А.А. Богданова; либо философия имеет своей целью «совершенное познание» [6, с. 418] – это одна из сторон позиции Г.Г. Шпета. Но все же, несмотря на видимую пропасть между позициями философов, Т.Г. Щедрина указывает на общий мотив их мысли: «Шпет, как и Богданов, полагает, что теоретическая деятельности исторически меняется, не заканчивается» [6, с. 421]. Вопрос о конце или изменении философии остается вопросом приверженности к той или иной системе, но в основаниях мы находим схожие положения.

Завершают сборник семейные очерки А.А. Малиновского-сына «К нашему происхождению» [6, с. 428–432] и А.А. Малиновского-правнука «Из семейных преданий об Александре Богданове» [6, с. 433–440], посвящающие читателя в личные моменты жизни философа. Том снабжен уникальными архивными фотографиями, отдельные разделы посвящены хронике жизни и деятельности философа [6, с. 441–443], библиографии его трудов [6, с. 444–453], библиографии работ о философии А.А. Богданова [6, с. 454–458], а также списком псевдонимов философа [6, с. 459].

Стоит отметить кропотливую работу авторского коллектива по привлечению архивных и составлению справочных материалов, а также участие потомков философа в работе над томом. Книга представляет интерес не только для специалистов по теме, но и для широкого круга читателей самых разных научных областей, интересующихся как философией и личностью А.А. Богданова, так и контекстом развития русско-советской философской мысли начала XX в.

Литература

1. *Брайант Л.Р.* Демократия Объектов. Пермь: Гиле Пресс, 2019.
2. *Делез Ж.* Ницше и философия. М.: Ад Маргинем, 2003.
3. *Декарт Р.* Избранные произведения. М.: Политиздат, 1950.
4. *Тютченко Д.А.* Критическая теория: этапы идейного развития // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021 № 4. С. 137–145.
5. *Spencer B.G.* Laws of Form. NY: The Julian Press Inc., 1972.
6. Александр Александрович Богданов / Под ред. М.В. Локтионова. М.: РОСС-ПЭН, 2021.